

В. Э. КРУСМАН:**ЭПОХА И НАУКА ПОД СКАЛЬПЕЛЕМ ИСТОРИКА**

«Потерявшийся во времени», Владимир Эдуардович Крусман (1879–1922), великолепный историк, профессор Одесского (Новороссийского), а затем Пермского университетов, заставляет снова обращаться и к его незаурядной личности, и к его творчеству, невостребованному в свое время и столь актуальному сегодня.

Последние работы В. Э. Крусмана были опубликованы в сборнике «Пути науки»¹, в т.н. «пермский период»² в биографии ученого³. Три статьи – «История и современность»⁴, «Грань между средневековой и новой историями», «Предел новой Истории» – тематически взаимосвязаны: главная задача – осмысление происходящего цивилизационного разлома, его места в мировой истории, а также роли научного познания прошлого как инструмента для постижения современности. Несмотря на склонность к «камерности», В. Э. Крусман «был слишком историк, слишком учен и трезв», не страдал прекраснодушным «интеллигентским фатализмом» с верой в обязательную победу «разума и совести русского народа», но одновременно он чутко уловил звучание «идеалистической ноты в Революции», которая для многих оказалась «неразличима за ревом торжествующего Зверя», – так писал о своем друге П. М. Бицилли⁵.

Мировая война («мировая катастрофа») и Октябрь («великая русская революция») для В. Э. Крусмана – закономерная веха в периодизации истории, а порожденное революцией «движение» народных масс, движение, которого, подчеркивает ученый, еще не было во всемирной истории, – важнейшее следствие этой «грандиозной революции». Одновременно В. Э. Крусман видит и двойственность революции: с одной стороны, революция поражает тем, что никогда еще в такой степени не оказывались «решающими массовые интересы», с другой – развитие революции наглядно показало, что «огромными массами удачно управляют единичные личности». В связи с этим вопрос о роли личности в истории, который, казалось бы, был отнесен уже «к старому хламу исторической науки», опять, убежден В. Э. Крусман, стал актуальным. Новый ракурс этой проблемы историк видит в осмыслении того, каким образом в хаотическом состоянии общества, «при полном развале государственного механизма», личности умеют не только «выявить себя», но и подчинить себе «взбаламученное море массы»⁶.

Революционная эпоха в то же время показала, констатирует В. Э. Крусман, что прежние знания об обществе и государстве, о самой исторической науке терпят крах, и с необходимостью требуется ревизия всех прежних представлений. Изменение исторической ситуации неизбежно влечет за собой рождение нового взгляда на прошедшие события, заставляя переосмысливать историю: как Французская революция заставила «заново переработать историю», так и современная мировая война может оказать «такое влияние, особенно в соединении с нашей грандиозной революцией»⁷.

В отличие от неокантианской классификации наук, получавшей все большее признание в это время, В. Э. Крусман определял историческую науку не только как науку «о духе»: история изучает материю и дух «в их совместном действии»⁸, поскольку ее объект – человек в его деятельности. Именно многогранность объекта требует от историка помимо своих профессиональных знаний широчайшего кругозора из области разных дисциплин: литературоведения, искусствоведения, географии, психологии и проч.

Называя себя «присяжным представителем науки», В. Э. Крусман, вопреки сложившемуся канону позитивистской философии науки, не считал, что наука должна быть «чистой, беспартийной, внеклассовой, независимой, самодовлеющей»⁹. Он трезво оценивал состояние своей профессии к началу XX в. – историческая наука не вышла из стадии «прикладной науки» – она зависима от конъюнктуры социального спроса, от «давления извне»: «интересов общества», «общественного уклада», ее развитие определяется «нуждами момента»¹⁰. Разумеется, «чистая наука» для В. Э. Крусмана – явление «желательное», однако существование такой науки представляется ему «утопией», поскольку наука всегда связана с интересами тех, «кому она нужна», «кто несет расходы по ней»¹¹. Однако в этой ситуации ученый не видит трагизма – не ущербность исторического познания, но его возможности более значимы для него: утилитаризм и научность – это не взаимоисключающие характеристики знания, но взаимодополняющие друг друга стороны его развития. Следует учитывать и тот факт, подчеркивал он, что знание своего прошлого – особенно «знание ближайшего прошлого» – влияет на «самосознание» общества¹².

Действительность всегда воздействует на историческую науку, и любое «конструирование истории» будет в значительной степени зависеть «от условий момента», когда оно осуществлялось. Для В. Э. Крусмана исторический процесс объективен, реален и непрерывен – он «идет своим чередом», но изучение исторического

процесса всегда избирательно: оно зависит от общественных интересов (социального запроса), которые в данной ситуации представляются наиболее значимыми для стабильности и развития общества. «Текущий момент» всегда детерминирует определенный фокус изучения истории, обращение к «отдельным сторонам» исторического процесса¹³.

«Давление извне» способствует и появлению разных «точек зрения», связанных с утверждением различных направлений в исторической науке («царское», «придворное», «черносотенное», «народническое», «марксистское», «буржуазное» и проч.), которые отражают конкретное положение их представителей «в определенном обществе». Взятые по отдельности буржуазные, марксистские, народнические и проч. концепции не представляют для науки особой ценности, но в целом расширяют ракурсы восприятия прошлого, т.к. «новое знание» в большей или меньшей степени дает «всякая точка зрения»¹⁴. Поскольку наука – это «определенное отношение» ума к окружающей действительности, постольку, заключает В. Э. Крусман, появление «разных подступов к действительности» способствует более глубокому ее познанию¹⁵.

Долг профессионального историка, по Крусману, – быть восприимчивым к запросам современности. Ученый должен понять ближайшие задачи «текущего момента» (что именно современность требует от науки) и не ждать «неминуемого давления на науку»: необходимо осмыслить, какие события могут «повлиять на историческую науку», «на господствующие в ней направления». В современной ситуации, уверен ученый, «всемирная война» и «русская революция» – «неслыханные доселе в мировой истории явления», породившие «гигантскую борьбу народов», – выступают, безусловно, решающими факторами влияния на историческую науку¹⁶.

Экстерналистское направление в западной социологии науки оформилось в середине 30-х гг. XX в. (Дж. Д. Бернал и др.) не без влияния советских ученых (что признавалось самими основоположниками экстернализма¹⁷), которые уже к концу 1920-х гг. обосновали тезис о социальной обусловленности науки на основе редуцированного марксизма¹⁸. В. Э. Крусман – среди новаторов в области осмысления проблемы факторов развития науки: социальная детерминация научного движения для него, отнюдь не марксиста, – уже аксиома. Однако вопреки утвердившейся как в западной философии и социологии науки, так и среди советских ученых ситуации «контroversы интернализм / экстернализм» (преодоление которой в обоих научных ареалах началось только с 60–70-х гг. XX в.),

В. Э. Крусман, наряду с признанием «внешних факторов» воздействия на науку, не исключал собственных, автономных аспектов развития науки. Долг ученого, утверждал он, состоит и в том, чтобы стоять на страже интересов «чистой науки», какой бы идеальной она не представлялась¹⁹.

Задумываясь о перспективах исторической науки, В. Э. Крусман приходит к выводу о том, что ее задачи в современную эпоху значительно усложняются, т. к. усложняется сам исторический процесс благодаря активному вовлечению все большего количества масс в общественную и культурную жизнь социума. Этот факт, символизирующий новые веяния XX века, обуславливает потребность в новых подходах к изучению истории²⁰.

Следуя канонам методологического плюрализма, В. Э. Крусман не сводил науку к какой-либо одной теории: развитие науки, считал он, происходит в движении теорий, которые, преодолев свою гипотетичность, превращаются в «знание», основанное на достоверных фактах, и таким образом становятся «достоянием науки»²¹. Однако «степень научности» возрастает очень медленно, т. к. любой «исторический синтез» в его первоначальных «построениях» должен подвергаться критике и корректироваться путем внесения «поправок»²².

Среди задач историка как представителя «чистой науки» – формирование и применение категориального аппарата. Проблема категорий для В. Э. Крусмана – одна из важнейших теоретических проблем исторической науки. Всякая наука, отмечает он, нуждается для своего движения вперед в определенных «технических приспособлениях»: в технических науках – это материальные приборы, в гуманитарных – «слово», поэтому историческая наука, как и все гуманитарные науки, движется вперед «путем развития своей терминологии»²³.

Проблемы категориального аппарата В. Э. Крусман неразрывно связывал с необходимостью изучения истории понятий. Так, обращаясь к истории термина «Возрождение», он апеллирует к историографии вопроса и делает вывод о том, что «чекан» (терминология В. Э. Крусмана. – Т. П.) этого термина с течением времени не раз менялся: Джорджо Вазари использовал его для определения возрождения античных традиций в искусстве, в XVIII в. этот термин «в общем смысле эпохи» вошел в употребление в литературной среде. В историческую терминологию слово «Возрождение» ввели в XIX в. Жюль Мишле и Якоб Буркхардт: их

«редакция» (по сути – трактовка – «определенная чеканка») на полвека «загипнотизировала» историческую науку²⁴.

Особым приемом в исторических исследованиях, «без которого никакой исторический синтез невозможен», В. Э. Крусман считал периодизацию, необходимую для лучшего понимания исторического процесса²⁵. Критерием периодизации, по его мнению, должны выступать не конкретные исторические события, но определенный «комплекс идей», который «удостоится внимания активного руководящего меньшинства общества», – именно это создает «характерный отпечаток» таких эпох, как Возрождение, Католическая Реакция, Реформация, Просвещение, в том числе – Революции²⁶. Роль «интеллектуальных движений», которые постепенно, подчас «латентно», подготавливали почву для новой эпохи, В. Э. Крусман считал первостепенной для определения исторических рубежей – «не физическая сила, не масса побеждает, а интеллект»²⁷. В процессе «интеллектуальных движений» В. Э. Крусман выделял не только осознанные современниками идеалы, но «бессознательную подготовку» нового этапа сознательной жизни: «...область бессознательного подчинена тем же законам, что и область сознания, тоже отнюдь не бессвязна, тоже отнюдь не беспричинна, а тесными узами сплетена с предыдущими сознательными и бессознательными процессами»²⁸.

Размышляя о проблеме развития арсенала методов, В. Э. Крусман проницательно отмечал, что методы исторических наук вырабатываются в результате изучения прошлых эпох, «более простых» по сравнению с современностью, поэтому с их помощью трудно справиться с изучением истории, в частности новейшего времени. Это обстоятельство заставляет искать новые средства познания²⁹. В то же время, по мнению ученого, современникам не дано объективно оценить свое место в истории: «историческую эпоху нельзя определить из нее самой»: «подлинный исторический синтез» может дать только будущее, т. к. «сравнительная и абсолютная оценка беспрестанно меняются»³⁰. Только последующим поколениям подвластно понять сущность минувшей эпохи, поскольку им доступны ее последствия и их значение. Именно в этом, по мнению В. Э. Крусмана, заключается движение науки – новые поколения вносят свои «поправки» в официальную концепцию современников³¹.

В. Э. Крусман во многом предвосхитил новое понимание науки – в ее социокогнитивном статусе, – заявившем о себе только к 1960-1970 гг. (а набравшем силу в западной историографии – к началу XXI в.): внутренняя автономность науки и обусловленность ее

развития социальной средой, исторической ситуацией, «интересами» ее «покровителей» – для него не взаимоисключающие категории, но различные ипостаси единого явления – науки.

Пермский период в жизни В. Э. Крусмана стал продолжением творческой биографии ученого³²: концептуальная связь его последних работ с главным трудом его жизни – «На заре английского гуманизма...», созданном в Одессе, – очевидна. Одновременно эти годы в жизни ученого – новая ступень его зрелости как человека, гражданина и профессионального историка.

¹ Пути науки. Введение в историческое знание. Сборник статей проф. Крусмана, Дурденевского, Булаховского и Казанского / Издание Главного Дорожного Комитета П. Ж. Д. Пермь, 1918. С. 13-46. Возможно, единый смысловой блок этих статей в какой-то мере определил и их публикацию в сборнике: они напечатаны одна за другой, представляя собой практически один текст; вероятно, судя по оборотам речи, это были тексты публичных выступлений В. Э. Крусмана. Этим сборником я смогла воспользоваться благодаря *Вадиму Чепиженко*, которому выражаю свою искреннюю признательность.

² Жизнь в Перми в эти годы была сложной. Профессор В. Э. Крусман, по воспоминаниям бывших студентов, приходил в университет «в больших подшитых валенках, в какой-то рыжей видавшей виды дохе». Но когда начиналась лекция, Владимир Эдуардович «...забывал обо всем на свете. Перерывов для него не существовало. Он словно красками писал картину. Вдохновенно, образно, ярко лилась его речь, один поток мыслей нагромождался на другой, одна мысль торопила другую. Эти мысли было трудно записать. Мы оставляли тетради и только слушали. Но в целом оставалось удивительное впечатление, мы были по-настоящему взволнованы и благодарны... В. Э. Крусмана любили все как-то особенно нежно: каждый, кто знал его, питал к нему самое глубокое уважение. И было больно узнать, что летом 1922 года Владимир Эдуардович умер в Москве. Мы увеличили его портрет и повесили в кабинете всеобщей истории». См.: Молодцов В. В. Здесь я принял эстафету, которую несу всю жизнь...// Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I. / Сост. А. С. Стабровский. Пермь: Изд-во Томского гос. ун-та, Пермское отделение, 1991. С. 18.

³ Подробнее о персональной истории В. Э. Крусмана и степени ее разработанности см.: Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. С. 222-253. [Раздел: Владимир Эдуардович Крусман: историк «второго плана»]. В данной статье по сравнению с разделом в книге дополнены и откорректированы некоторые моменты.

⁴ Название этой статьи получило широчайшее распространение в советскую эпоху, превратившись в своеобразный штамп, используемый и современными авторами.

⁵ См.: Бицилли П. Памяти В. Э. Крусмана // Русская мысль. 1923. Кн. 1/2. С. 345.

⁶ Крусман В. История и современность // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 20. Позитивизм, как известно, выдвинул в качестве главного объекта изучения т. н. «коллективистскую историю»; марксизм сделал акцент на роли народных масс в истории. Проблема роли личности в условиях государственного разлома – «крушения» СССР – опять актуализировалась к началу 1990-х гг.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 15-17.

¹¹ Там же. С. 14-15.

¹² Крусман В. Предел новой Истории // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 39, 40.

¹³ Крусман В. Грань между средневековой и новой историями // Пути науки. Введение в историческое знание. Пермь, 1918. С. 37.

¹⁴ Крусман В. История и современность... С. 17.

¹⁵ Там же. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 17-18.

¹⁷ См.: Наука о науке: сборник статей: пер. с англ. / Под ред. В. Н. Столетова; Пер. М. К. Петров. Москва, 1966. С. 38, 247.

¹⁸ См. подробнее: Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 72-89.

¹⁹ Крусман В. История и современность... С. 17.

²⁰ Крусман В. Предел новой Истории... С. 38.

²¹ Крусман В. История и современность... С. 18.

²² Крусман В. Предел новой истории... С. 39.

²³ Крусман В. Грань между средневековой и новой историями... С. 26.

²⁴ Крусман В. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Исследование. Одесса, 1915. С. XXIV; Он же. Грань между средневековой и новой историями... С. 27.

²⁵ Крусман В. Грань между средневековой и новой историями... С. 23.

²⁶ Там же. С. 25.

²⁷ Крусман В. История и современность... С. 19.

²⁸ Крусман В. Грань между средневековой и новой историями... С. 37.

²⁹ Крусман В. Предел новой Истории... С. 38.

³⁰ Крусман В. Грань между средневековой и новой историями... С. 28, 38.

³¹ Крусман В. Предел новой Истории... С. 39.

³² Три последние опубликованные статьи В. Э. Крусмана включают значительно больший диапазон тем и идей автора, нежели представленный здесь лапидарный экскурс: проблема «империализма», его суть и «образы»

(классификация, предложенная историком); проблема взаимовлияний различных исторических эпох; «отсчет» новейшей истории и ее смысловое содержание; своеобразие средневековой культуры, ее место в общем историко-культурном процессе; эволюция научной терминологии и трансформации категорий; особенности развития исторической науки в различных регионах и т.п. Специфика этих статей и в том, что темы, значимые для ученого, переплетаются в трех текстах, взаимодополняя и уточняя идеи автора. Многие из положений этих статей, отдельные фразы и понятия вошли позже в советскую литературу, превратившись фактически в канон.